

M 60
51

ИСТОРІЯ ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНІЯ НИКОЛАЯ І

ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССИЙСКАГО.

Соч. Поля Лакруа.

Переводъ съ французскаго.

МОСКВА.

Типографія Э. Лисснеръ и Ю. Романъ, Арбатъ, домъ Каринской.

1877—1878.

И С Т О Р І Я

ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНІЯ

НИКОЛАЯ І

ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССИЙСКАГО

Соч. ПОЛЯ ЛАКРУА.

Переводъ съ французскаго.

ТОМЪ І-й, ВЫПУСКЪ І-й.

МОСКВА.

Типографія Э. Лисснеръ и Ю. Романъ, Арбатъ, д. Кариевой.
1877—1878.

Дозволено цензурою. Москва, 5 іюля, 1878 г.

2007089511

І.

Николай Павловичъ, будущій Николай І-й, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, родился въ Гатчинскомъ дворцѣ 6-го Іюля (25-го Іюня по русскому календарю *) 1796 г., въ послѣдній годъ великаго царствованія Императрицы Екатерины II.

Онъ былъ третій сынъ Великаго Князя Наслѣдника Павла Петровича и его второй жены Маріи Ѳедоровны, принцессы Виртембергской. Его оба старшіе брата Александръ и Константинъ имѣли тогда: первый восемнадцать съ половиною, второй семнадцать лѣтъ. Александръ родился 17-го Декабря 1777, а Константинъ — 29 Мая 1779. Пять сестеръ его были еще живы: Александра, родившаяся въ 1783 г.; Елена — въ 1784, Марія — въ 1786, Екатерина — въ 1788 г. и Анна — въ 1795 г. Одна только Ольга, родившаяся въ 1792 г., была похищена смертію трехъ лѣтъ отъ роду.

Какъ ни многочисленно и цвѣтуще было Императорское семейство, но отецъ и мать видѣли въ рожденіи этого ребенка, своего третьяго сына, котораго они давно ждали, благословеніе небесъ, ибо двое старшихъ сыновей ихъ, можно сказать, имъ не принадлежали: Императрица Екатерина завладѣла ими съ колыбели, чтобы воспитать ихъ на своихъ глазахъ и по своимъ понятіямъ: она выказывала ревность къ тому исключительному преимуществу, которое она собѣ присвоила въ отношеніи къ нимъ и сосредоточивала на нихъ свою материнскую привязанность, слѣпую и страстную, отвлеченную

*) Въ прошедшемъ столѣтіи, 25 Іюня по греческому календарю (старого стиля) соотвѣтствовало 6-му Іюля латинскаго календаря (новаго стиля); но въ нынѣшнемъ столѣтіи оно соотвѣтствуетъ 7 Іюля. Вотъ почему въ Россіи праздновалось рожденіе Императора Николая 25 Іюня (7 Іюля новаго стиля).

нѣкоторымъ образомъ отъ своего собственнаго сына съ тѣмъ, чтобы быть перенесенною на нихъ.

Павелъ Петровичъ и супруга его Марія Ѳеодоровна не испытали еще счастія имѣть сына и уже потеряли надежду послѣ шестнадцатилѣтняго ожиданія.

Екатерина II не разъ говорила своей невѣсткѣ: «Вы мнѣ дали двухъ Князей; этого мнѣ довольно. Я предоставляю вамъ всѣхъ тѣхъ, которые могутъ быть впослѣдствіи.»

Когда Императрица узнала, что Марія Ѳеодоровна произвела на свѣтъ третьяго сына, то оставалась нѣсколько въ раздумьи и внезапно объявила, что ѣдетъ въ Гатчину.

Во время дороги ничто не могло успокоить ея мыслей.

Прибывъ во дворецъ Павла Петровича, прикрытый башенками и окруженный рвами, Екатерина II не скрывала улыбки, блуждавшей на ея устахъ. Ей показалось, что подъемный мостъ не такъ скоро спустился передъ нею. Великій Князь явился къ ней на встрѣчу со всѣми знаками глубочайшаго уваженія. Она съ нимъ поздоровалась просто и прошла мимо, чтобы пойти прямо въ комнату августѣйшей родильницы: она прямо подошла къ колыбели, взяла на руки ребенка, который былъ необыкновеннаго роста и силы, поднесла его къ окну и, молча, осмотрѣла его.

Лучъ удовольствия блеснулъ въ чертахъ Императрицы, улыбувшейся новорожденному и поцѣловавшей его въ лобъ.

Ребенокъ, котораго она положила обратно въ колыбель, смотрѣлъ на нее большими удивленными глазами.

Екатерина почти тотчасъ-же вернулась въ Петербургъ, находясь подъ впечатлѣніемъ своихъ собственныхъ предчувствій; въ тотъ же вечеръ она писала одному изъ своихъ друзей: «Я бабка третьяго внука, который, судя по необыкновенной силѣ, которою онъ одаренъ, кажется мнѣ предназначеннымъ царствовать, несмотря на то, что у него два старшихъ брата».

Согласно своему обѣщанію, Императрица не присвоила себѣ

никакого права на этого третьяго сына, который былъ предоставленъ попеченію его матери.

Марія Ѳеодоровна поспѣшила отыскать наставницу, которой она хотѣла поручить этого ребенка.

Выборъ ея палъ естественно на Графиню Шарлотту Карловну Ливенъ, статсъ-даму, которой было поручено уже первоначальное воспитаніе Великихъ Княженъ, и которая выполняла свои щекотливыя обязанности съ такимъ усердіемъ и привязанностью, какъ будто сама принадлежала къ Императорской фамиліи.

Графиня Ливенъ, вдова генераль-маіора, провела двадцать лѣтъ при дворѣ, не пріобрѣтя себѣ ни одного врага: всѣ къ ней были привязаны и всѣ ее уважали. Екатерина II ее хорошо охарактеризовала, назвавъ *океаномъ нѣжности и снисходительности*.

Императрица сначала назначила ее исполнять наставническія обязанности при Великихъ Княжнахъ, и Марія Ѳеодоровна подчинилась скорѣе тому очарованію, которымъ графиня Ливенъ обладала въ такой степени. Съ тѣхъ поръ у нея былъ вѣрный и приверженный другъ, дочери же ея имѣли вторую мать.

Екатерина женила своего единственнаго сына Павла, почти при выходѣ его изъ дѣтства, на одной Гессенъ-Дармштадтской принцессѣ (10 Октября 1773 г.). Эта принцесса, Наталья Алексѣевна, умерла отъ родовъ два года спустя послѣ своей свадьбы и Императрица нашла тутъ же кѣмъ ее замѣнить, а именно Виртембергской принцессой, названной въ крещеніи Маріей Ѳеодоровной.

Супруга цесаревича выполняла съ пунктуальнымъ послушаніемъ предположенія своей августѣйшей тещи, и менѣе чѣмъ въ три года дала ей двухъ внуковъ Александра и Константина, которыхъ знаменитая Императрица оставила при себѣ, предоставивъ исключительно себѣ одной ихъ воспитаніе. Дѣти эти были въ ея мысляхъ настоящими представителями имени Романовыхъ и продолжателями ея славнаго царствованія.

Екатерина II хотѣла, чтобы ея два внука Александръ и Константинъ были въ состояніи ей наслѣдовать. Она сама руководила ихъ образованіемъ и вскорѣ узнала, что Александръ, одаренный на самомъ дѣлѣ природою лучше, чѣмъ Константинъ, казался одинъ предназначеннымъ выполнить ея виды.

Впрочемъ она такъ любила Великаго Князя Константина, что, не взирая на его недостатки и меньшее физическое и нравственное достоинство, имѣла къ нему пристрастіе, съ каждымъ днемъ увеличивающееся и слѣпое.

Константинъ имѣлъ, конечно, многія достоинства и въ особенности хорошія наклонности; но воспитаніе не могло подѣйствовать на него и тѣмъ болѣе сгладить его неровный характеръ. Александръ напротивъ того казался съ раннихъ лѣтъ совершеннымъ государемъ: онъ имѣлъ рѣдкія способности, удивительную память, воспріимчивый и провицательный умъ, полный остроты; онъ любилъ науки и занятія; но что всего болѣе отличало его отъ брата, — это совершенная ровность характера, нѣжная и неистощимая любезность, отражавшаяся въ чертахъ его и во всѣхъ его дѣйствіяхъ.

Оба брата, столь различные во всѣхъ отношеніяхъ, были связаны другъ съ другомъ взаимною любовью, и Константинъ присоединялъ къ этому братнему расположенію особаго рода восторгъ, внушаемый ему преимуществами старшаго брата, преимуществами явными, которыя онъ признавалъ, не завидуя имъ. Различіе между ними въ физическомъ отношеніи было также велико, какъ въ моральномъ и умственномъ.

Александръ былъ также красивъ, какъ и его мать. Правильныя его черты, благородство его лица, нѣжность взгляда, прелесть улыбки очаровывали всѣхъ его окружавшихъ; изящность его вида, ловкость его походки, отличныя его манеры соотвѣтствовали вполнѣ всѣмъ дарованнымъ ему природою преимуществамъ. Константинъ былъ похожъ на своего отца: хотя онъ былъ высокаго роста и хорошо сложенъ, но у него

было рѣзкое лицо, глаза его, живые и проницательные, прикрытые густыми бровями, принимали иногда выраженіе почти пріятной доброты. Онъ не имѣлъ претензіи замѣнить въ себѣ отсутствіе блестящихъ качествъ, которымъ удивлялись въ его братѣ. Тѣмъ не менѣе онъ пользовался хорошимъ расположеніемъ и предпочтеніемъ своей бабки, забавляя ее своими проказами и шалостями. Онъ никогда не желалъ ничему учиться, исключая воинской команды.

Александръ имѣлъ инстинктивное отвращеніе къ войнѣ, но занимался военными науками и вскорѣ полюбилъ ихъ, примѣняя ихъ къ исторіи великихъ полководцевъ. Онъ кончилъ тѣмъ, что заинтересовался, подѣ влияніемъ и примѣромъ брата, своею, какъ онъ ее называлъ, армейскою службою; онъ нарядился въ мундиръ, сталъ учиться владѣть оружіемъ и управлять дѣйствіями инфантеріи и кавалеріи.

Екатерина II испытывала большое удовольствіе и гордость, когда вмѣстѣ съ дворомъ присутствовала при упражненіяхъ, въ которыхъ ея оба внука усовершенствовались на ея глазахъ подѣ руководствомъ опытныхъ учителей. Не съ тѣмъ однако, чтобы сдѣлать изъ своего Александра военного человѣка, выбрала она ему въ наставники Лагарпа, подѣ руководствомъ Графа Салтыкова, гувернера обоихъ молодыхъ Князей.

Полковникъ Лагарпъ, родомъ изъ Вадта, былъ не столько военный, сколько ученый и философъ. Онъ былъ впрочемъ добродѣтельный человѣкъ, налитанный правилами Вольтера и Ж. Ж. Руссо, но воодушевленный самыми благородными и высокими намѣреніями. Его уроки и совѣты заронили въ сердце его ученика зародышъ разумной философіи и подготовили его къ управленію народами, не испытанными еще благодѣяній современной цивилизаціи.

Великій князь Александръ, душа котораго, нѣжная и чувствительная, должна была симпатизировать философскимъ идеямъ своего наставника, питалъ къ нему уваженіе и привязанность.

— Благодарю васъ за заботы ваши о моемъ внукѣ, говорила Екатерина полковнику Лагарпу; вы дѣлаете изъ него болѣе чѣмъ Императора, — вы дѣлаете изъ него человѣка.

Императрица не забывала, что она сама, такъ сказать, была въ школѣ Вольтера; но каково бы ни было ея изученіе философіи и философовъ, она тѣмъ не менѣе рѣшилась удалить изъ своихъ владѣній развратныя доктрины и людей опасныхъ, угрожающихъ политическому и соціальному строю Европы. Здравый смыслъ и умѣренность ученика полковника Лагарпа не одобряли также насилій и сумасшествій французской революціи. Онъ не могъ побѣдить въ себѣ врожденнаго отвращенія къ революціи и къ возмутителямъ установленнаго порядка. Онъ раздѣлялъ чувства своей знаменитой бабки, которая радовалась, видя сходство своихъ идей и мнѣній съ мнѣніями внука. Когда Великій Князь Александръ достигъ возмужалости, Екатерина занялась отысканіемъ ему невѣсты съ материнскою заботливостью между тремя сестрами, принцессами Баденскими. Она женила его 9-го Октября 1793 г. на второй изъ этихъ трехъ сестеръ, Луизѣ-Маріи-Августѣ, названной съ тѣхъ поръ Елисаветою Алексѣевою. Другія двѣ должны были также носить корону: одна была королевою Шведскою, другая королевою Баварскою.

Женитьба Великаго Князя Александра на принцессѣ Елисаветѣ обѣщала быть счастливою: они казались созданными для того, чтобы нравиться, понимать и любить взаимно.

Великая Княгиня была не только замѣчательна своею красотою: она имѣла таланты, образованіе и въ довершеніе всего превосходный характеръ, нѣжный и снисходительный, великодушный и преданный. Ея голубые глаза, въ которыхъ отражалась ея душа; ея великолѣпные пепельные волосы; ея гибкая и изящная талія, ея благородная и ловкая поступь, привлекли и восхитили ея молодаго мужа, который былъ къ ней внимателенъ и привязанъ.

Великая Княгиня принесла ему двухъ дочерей, умершихъ въ молодыхъ годахъ и лишившихъ его надежды имѣть другихъ дѣтей.

Императрицѣ Екатеринѣ неудачно пришлось выбрать жену Великому Князю Константину, которому еще не исполнилось шестнадцати лѣтъ. Константинъ не чувствовалъ никакой склонности къ женитьбѣ: онъ сопротивлялся въ этомъ случаѣ нѣкоторое время волѣ своей бабки; но потомъ рѣшился жениться 26-го Февраля 1796 г., на принцессѣ Юліи Саксенъ-Кобургской, заключая этотъ союзъ равнымъ образомъ и для нея не по сердцу.

Они были и остались совершенно равнодушными другъ къ другу; ихъ союзъ не имѣлъ даже того результата, котораго ждала Екатерина, ибо онъ былъ безплоденъ, такъ что по истеченіи четырехъ лѣтъ супруги разстались, чтобы никогда болѣе не встрѣчаться. Принцесса вернулась въ Германію.

Совершая эти поспѣшныя женитьбы, Екатерина не имѣла иной мысли, какъ создать вокругъ себя многочисленную Императорскую фамилію.

Она не думала приближаться къ концу своего царствованія; она составляла еще гигантскіе проекты, и если внезапно пугалась, что не успѣетъ привести ихъ въ исполненіе, если предчувствіе скорой смерти ее вдругъ пугало, то переносила свои взоры на обоихъ молодыхъ Князей, которыхъ она воспитала при себѣ, какъ мать нѣжная и ревнивая, какъ заботливая и умная опекунша.

Но эти два Князя, столь близкіе къ власти и привыкшіе съ дѣтства смотрѣть на корону, какъ на вещь, которою они могли обладать рано или поздно, не чувствовали въ себѣ ни малѣйшаго влеченія къ ней; они оба чувствовали только отвращеніе къ величію и охотно согласились-бы промѣнять свою блестящую будущность на счастливую и покойную посредственность; они не имѣли никакой симпатіи къ пышности

двора и подчинялись этикету и церемониалу, дѣлая усиліе надъ своимъ вкусомъ и понятіями. «Мнѣ быть государемъ!» отвѣчалъ однажды Константинъ своей бабкѣ, предлагавшей ему вести себя такъ, какъ слѣдуетъ лицу, предназначенному когда либо царствовать. «Я буду очень несчастливъ на престолѣ и боюсь, чтобы подданные мои не были еще несчастливѣе меня. Если Ваше Величество позволите мнѣ выбрать судьбу, которая мнѣ нравится, то выборъ мой будетъ скоро сдѣланъ». — Выбери-же, сказала Императрица, и мы посмотримъ, достаточно-ли я могущественна, чтобы осуществить твои желанія. — «Желанія мои не очень честолюбивы, отвѣчалъ весело Великій Князь, я прошу остаться навсегда инспекторомъ на смотрахъ и удовольствуюсь должностью капрала въ какомъ нибудь гвардейскомъ полку».

Великій Князь Александръ не высказывался съ такою откровенностью и увлеченіемъ Императрицѣ, но въ душѣ былъ согласенъ съ братомъ, и не безъ огорченія и безпокойства смотрѣлъ на корону, висѣвшую, такъ сказать, надъ его головою.

Однажды, когда она передъ нимъ настаивала въ необходимости быть болѣе достойнымъ своего назначенія, Князь осмѣлился ей почтительно замѣтить, что у нея былъ сынъ, Цесаревичъ, будущій законный ея наслѣдникъ, желающій, добавилъ онъ, видѣть ее какъ можно долѣе продолжающею свое славное царствованіе.

— Я могу назначить кого угодно мнѣ въ наслѣдники, сказала она строго, и назначу того, который будетъ способнѣе служить интересамъ Россіи. Что до тебя, сынъ мой, то будь готовъ! Я еще не кончила свою задачу и чувствую въ себѣ, слава Богу, силу выполнить мои намѣренія; но жизнь человѣческая шатка и мы не знаемъ, что можетъ случиться завтра! Князь поникъ головою.

Съ тѣхъ поръ онъ твердо рѣшилъ не быть никогда Императоромъ. Конфиденціальное письмо, писанное имъ 10 Мая

1786 г. къ князю Виктору Кочубею, другу его дѣтства, бывшему въ то время посломъ въ Константинополь, представляетъ намъ весьма любопытное изложеніе благородныхъ заботъ этой высокой души.

«Да, любезный другъ, я повторяю, что вовсе не доволенъ своимъ положеніемъ: оно слишкомъ блестяще для моего характера, любящаго миръ и спокойствіе. Дворъ — не мое жилище: я страдаю всякій разъ, когда долженъ бывать на представленіяхъ и порчу себѣ кровь, глядя на низости, которыя всякій разъ дѣлаютъ, чтобы получить какую нибудь награду. Я чувствую себя несчастнымъ, находясь въ необходимости бывать въ обществѣ людей, которыхъ я не желалъ бы имѣть лакеями и которые пользуются здѣсь лучшими мѣстами. Наконецъ, любезный другъ, я не чувствую себя созданнымъ для занимаемаго мною въ настоящее время мѣста и еще менѣе для того, которое мнѣ предназначается и отъ котораго я себѣ далъ клятву отказаться такъ или иначе. Вотъ, любезный другъ, великая тайна, которую я давно желалъ тебѣ сообщить, и о которой мнѣ нечего тебя просить молчать, ибо ты хорошо чувствуешь, что это можетъ мнѣ повредить. Я просилъ Г-на Гаррика, въ случаѣ если невозможно будетъ передать тебѣ это письмо, чтобы онъ его сжегъ и чтобы никому не поручалъ его тебѣ передать. Я долго размышлялъ объ этомъ предметѣ, ибо я долженъ тебѣ сказать, что намѣреніе это пришло мнѣ въ голову прежде, чѣмъ я тебя узналъ, и я вскорѣ рѣшилъ, что мнѣ должно дѣлать.

Дѣла наши въ невѣроятномъ безпорядкѣ; грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ вѣдомства худо составлены; порядокъ, какъ будто, изгнанъ отовсюду. Какимъ же образомъ можетъ быть достаточно одного человѣка, чтобы управлять государствомъ и еще болѣе исправлять злоупотребленія; это вещь рѣшительно невозможная не только для человѣка обыкновенныхъ способностей, какъ я, но даже и для генія, и я всегда дер-

жусь того правила, что лучше не брать на себя обязанность, чѣмъ выполнить ее дурно; согласуясь съ этими правилами, я принялъ то рѣшеніе, о которомъ выше тебѣ говорю. Мой планъ состоитъ въ томъ, чтобы, отрекшись однажды отъ этого труднаго поста (я не могу назначить времени такого отреченія), поселиться съ женою на берегахъ Рейна, гдѣ я буду простымъ частнымъ лицомъ, полагая свое счастье въ обществѣ друзей и изученіи природы.

Ты смѣешься надо мной; ты скажешь, что это химерическій проэктъ? Ты можешь думать, какъ хочешь; но подожди дѣла и тогда я позволю тебѣ судить о немъ. Я знаю, что ты будешь меня порицать; но я не могу поступить иначе, ибо спокойствіе моей совѣсти есть первое мое правило, а она никогда не будетъ спокойна, если я предприму дѣло выше моихъ силъ.

Вотъ, любезный другъ, что я нетерпѣливо желалъ тебѣ сказать; теперь, когда я это сдѣлалъ, мнѣ остается тебя увѣрить, что, гдѣ-бы я не былъ — счастливый или несчастный, въ пышности или бѣдности — однимъ изъ моихъ величайшихъ утѣшеній будетъ твоя дружба ко мнѣ, и будь увѣренъ, что моя дружба кончится вмѣстѣ съ моею жизнію. Прощай, мой милый и искренній другъ. Что пока могло-бы быть для меня всего радостнѣе, — это видѣть тебя.

Жена моя поручила тебѣ сказать много хорошаго: мысли ея совершенно одинаковы съ моими».

Александръ и Константинъ привѣтствовали съ особеннымъ удовольствіемъ рожденіе меньшаго брата Николая; они высказали другъ другу въ интимной бесѣдѣ, что въ случаѣ если престолъ упразднится, то они не будутъ вынуждены принимать на себя тягостную обязанность управленія, такъ какъ Императорское наслѣдіе не останется выморочнымъ.

II.

9-го Ноября 1796 года, въ то самое время, когда Цесаревичъ съ женою, совершали прогулку въ окрестностяхъ Гатчинскаго дворца, прибылъ курьеромъ графъ Дмитрій Зубовъ, чтобы передать имъ ужасное извѣстіе: Императрица Екатерина въ то-же утро была поражена апоплексическимъ ударомъ и казалась въ безнадежномъ состояніи.

Князь Павелъ, принимая это извѣстіе, не могъ удержать чувства сильнаго волненія: у него выступили слезы.

Онъ, не колеблясь, рѣшился ѣхать тотчасъ же въ Санктъ-Петербургъ вмѣстѣ съ женою своею Великою-Княгинею Маріею Ѳеодоровною. Онъ впалъ въ мрачное и нѣмое раздумье, почти не обратилъ вниманія на прощанія дочерей своихъ, оплакивающихъ свою знаменитую бабу; но, сядя въ карету, онъ отдалъ приказанія своимъ придворнымъ чиновникамъ, чтобы входъ во дворецъ былъ для чужихъ людей, которые бы явились безъ приказанія, подписаннаго его рукой, безусловно запрещенъ до его возвращенія.